

Один шаг до рая.

женский монолог, выброшенный в мусорное ведро

Женищина?

Она не высокая? Низкая?

Коротко стриженная? Скорее всего, рыжая? С прямой чёлкой?

А её светлые волосы собраны в гульку, но тёмные пряди выдают неудавшуюся химическую завивку?

Внешне молода? Но душой стара безнадёжно?

Героиня нескладно сложена? В белой рубашке и чёрных брюках?

Может, в шароварах? Может, «в облипochку»?

Но точно с чёрными подтяжками?

Она нарисовала себе усы карандашом для бровей?

Она смоеет их водой или вырежет бритвой вместе с кожей?

Это её губа?

Это её, снежно белая губа?

Точно женищина?

Из реквизита – больничная кровать? С белыми простынёй и подушкой?

Чуть сбоку – капельница на длинной подставке? Если попытаться разобрать, если очень сильно прислушаться, то можно услышать?

Услышать, вот эти, её рассуждения?

Женищина лежит?

На спине, руки скрестив на груди?

Женищина не стоит? Не вертит капельницу вокруг своей оси?

Она смотрит?

Смотрит вперёд? Не мигая?

Полдень..?

Одиночная палата, как одиночная камера в тюрьме. Там туалет под боком, и тут рядышком. Единственное различие – это двери наличие. Хотя... не во всех одиночках есть унитазаы? Бывало, у меня болел живот, а причин для этого херова туча: пережрала, перенервничала, недожрала, недонервничала. Кто-то, ну, только не я, конечно же, синячит. Когда у меня заболел живот, мама, первым делом, говорила мне: «Ты не беременная? Смотри, сообщай мне всё, а то поздно будет». Грозилa мне пальчиком и сыпала передо мной горсть таблеток. Там была «но-шпа», «фестал», и никогда противозачаточных. Интересно, да? То есть, логически она допускала, что я могу «залететь», но по-настоящему представить себе такое не могла. А тусуюсь я здесь вторую неделю. Условия – сказка! Всё как надо! (садится на кровати) Котлетки паровые – минимум калорий, борщ без мяса, картофеля, просто немного капусты, почти прозрачный, и к нему же витаминные порошки. Трудиться – не надо! Убираться – не заставляют! Не то, что меня дома. Одним словом, рай! Там, сейчас, мои бабушка и дедушка. Они погибли в автокатастрофе, еще, когда я была совсем маленькая. Почему – не помню. То ли кошка на дорогу выскочила, а дедушка резко затормозил, и какие-то там клапаны взорвались, то ли бабушка требовала ехать быстрее, а советская «бричка» не выдержала скорости и откинула ласты, прихватив с собой моих родственников. Это не важно – почему. Главное, они точно в раю. Ведь они

хорошие люди были. Матерились, конечно, дед ещё пил... Бабушка взятки на работе брала, но мы же все живые люди! У нас свои желания, потребности, которые необходимо удовлетворять. Иначе, они накопятся, и будут сверлить нас изнутри. А срывы никому не нужны... Не хочу котлету! Не хочу! А в рай они попали. Да, да. Только, я думала, думала: кто же пустит в рай бесформенную окровавленную массу? Как же эта куча сосудов, вперемешку с кровью, лимфой, кожей, кучей костяшек мелких будет говорить святым ангелам «Здрасте»? А как они будут всю эту кучу благословлять на день грядущий? Фу! *(заливается смехом)* Чем вот, этот комок будет говорить, чем смотреть? Ой, как противно! *(смеётся)* Наверное, перед пропуском в рай, ангелы аккуратно лепят из всей этой грязюки нового человека, как из пластилина. И уже потом целенького пропускают! *(успокаивается, медленно опускается на колени, с упоением читает молитву)*

«Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с Тобою. Благословенна Ты между женами и благословен Плод Чрева Твоего – Иисус наш. Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей...»

Останавливается то ли от того, что забыла слова, то ли от того, что вовсе их не знала. Задумывается о чём-то своём, тёплом.

И я, как-то в детстве, ну не в детстве, мне было уже лет четырнадцать, я рассказала об этом папе. О том, что думаю насчёт бабушки и дедушки, обо всём, что меня тревожит. Мамы не было дома, и я рассказывала отцу. Мне казалось, что он поймёт меня, он же близкий человек, он же сам любил читать приключенческие романы, рассуждать на всякие интересные темы. Ну, например, откуда взялась жизнь на Земле? И он говорил мне: «Дочура...!» Он никогда не называл меня по имени, только «доченька», «дочура», «дочь». Он рассуждал: «Представь себе, дочура, что во Вселенной и за её пределами, есть планеты, во всём похожие на нашу Землю. Десять, двадцать, а то и сто весёлых планет, на которых кипит жизнь. Но каждая планета сугубо индивидуальна: на одной живут только рыбы, а на другой только свиньи, на третьей – только лисы. А высший разум, взял и создал искусственно нашу планету, нашу Землю, и сделал из неё заповедник – собрал самых разных существ и заселил ими наш шарик. Потом, высший разум посмотрел на творение рук своих и понял, как здорово, он всё сделал, и начал приглашать на наш заповедник своих друзей из других галактик. Вот, теперь они прилетают к нам, как на курорт отдыхать. Потому что понимают, какую красоту сотворили. Потому что точно знают, дочура, что благодати этой им больше нигде не найти». Тогда я спросила у него: «А люди, пап? Ведь есть отдельно планета людей, правда?» Он задумался и сказал: «Нет, нет такой планеты». Почему же, пап, почему? «Много чести человеку, слишком много чести». И ушёл. Но я поняла, что он всего лишь не знал, как объяснить. Он нутром чувствовал, что прав, что не может быть у человека собственной планеты, но не мог всё это донести до ребёнка. Папа хотел быть авторитетным, хотел защищать меня от всего, от мира, пыли, и внешних раздражителей, беречь мой слух и голос. И у него получалось, но открыть для меня Землю он не мог. Так, мне теперь часто кажется, что эту теорию он видел по телевизору, а потом просто пересказал мне. И, вообще, он считал, что телевизор – единственно верный источник информации. И считал, что он умнее меня. Почему же, ты, со средним образованием, умнее меня, папа? Почему, посмотрев «Жить здорово!» ты тычешь мне в лоб Еленой Малышевой?! Почему, если ОНА с экрана сказала, что есть тыквенные семечки полезно для здоровья, ты триндишь об этом весь вечер, не переставая, а если **Я** ещё вчера об этом же тебе рассказывала, твои глазки бегают взад и вперёд, а рот

расплывается в вымученной улыбке?! И вечно говоришь, что ничего не помнишь! А я помню, помню, помню, ПОМНЮ Я! Я рассказывала тебе про бабушку, дедушку и рай. Я считала – ты поймёшь! Раз САМ рассказываешь мне свои мысли! И пока мои губы шевелились быстро-быстро произнося фразу за фразой, я смотрела тебе в глаза и не находила их на твоём лице. Потому что они опять, как всегда, они путешествовали где-то далеко! И всё нутро моё тогда напряглось, обозлилось, вылилось, вырвалось. Почему же ты не слушаешь, папа? Тебе опять не интересно! Ну, так, **Я** заинтересую тебя! И я начала рассказывать, начала твердить о том, что не понимаю в чём предназначение человека на Земле, что продолжение рода – цель ничтожная, слабая. И, что я не верю в то, что возможно все мы попадём в рай, и что, вероятнее всего, нас создали пришельцы, но пришельцы, не как пришельцы, а как огромное биополе, которое окружает нашу планету, и, на самом деле, всех нас нет, и существуем мы, каждый, по частичке, в определённой искажённой плоскости пространства, и когда эти плоскости сойдутся в одну, вот тут, вот тут и будет цельный человек! И всё, что мы делаем, едим, ходим, спим, нам это всё СНИТСЯ, СНИТСЯ, СНИТСЯ! И на самом деле ничего нет! СНИТСЯ, СНИТСЯ! И не факт, что мы проснёмся и окажемся в лучшей реальности, а факт, что, скорее всего, мы НЕ проснёмся, а разлетимся на миллиарды частичек, ведь, по сути мы же и сейчас набор частичек, только какие-то физические законы удерживают нас вместе! Не дают костям расплзтись, а слюням вытечь на пол! И Я рассказывала, забыв о том, с чего всё началось, все потаённые мысли выплёскивались на недалёкий ум отца. И потом, через пару минут, я увидела, КАК ему тяжело. Лицо было сосредоточено, сам он находился в напряжении, а полоска на лбу, та морщинка, еле-еле, видневшаяся раньше, казалось, лопнет с минуты на минуту. Но папа дослушал. Когда я, блаженно улыбаясь, завершила свой разговор, он...он, вымученно посмотрел на меня. И сказал: «Дочь...ты этого больше никому не рассказывай».

Закрывает глаза, быстро-быстро читает молитву.

«Credo in Deum, Patrem omnipotentem, Creatorem caeli et terrae. Et in Iesum Christum, Filium eius unicum, Dominum nostrum: qui conceptus de Spiritu Sancto, natus ex Maria Virgine, passus sub Pontio Pilato, crucifixus, mortuus et sepultus: descendit ad inferos; tertia die resurrexit a mortuis: ascendit ad caelos; sedet...»

Возвращается в реальность.

Снится... Много кому, много что снится. Это всё наше подсознание выдаёт, да, да. А вот как понять, как определить, где заканчивается сон, а начинается реальность? Мне подружки в детстве говорили: ты себя за локоть ущипни, и если щипок почувствуешь – значит, не спишь. Очень удобно! Локтём, если ударишься об дверной косяк, болеть будет очень сильно, очень сильно. А если ущипнёшь – всё нормально! Не болит! Ни капельки не болит! Это здесь на меня бессонница напала. Потому что содержание сплошь заботливое и участливое. Такое, что сил много остаётся, и спать совсем не хочется. Вот так и лежу, ночь за ночью, в потолок смотрю. Иногда кровать лунным светом заливает. Красиво. Только, непонятно как-то, то ли правда, то ли выдумки мои... Сон или не сон? Ведь, я давно ловила себя на мысли, что не понимаю, где нахожусь. Вот, еду в маршрутке, смотрю на знакомые вывески, улицы, остановки, всё такое одинаковое, такое старое такое приевшееся, что тошнит от секундной задержки там, и каждый клочок пространства я помню, помню, как наминала круги вокруг этого зоомагазина! Но... Еду, глаза узнают,

ноги узнают, руки узнают, тело узнаёт, а голова нет. Разум твердит тебе: нет! Здесь есть какой-то подвох, это неправда, это не те места, не те твои места, которые ты знала! Это не они, НЕ они! Не поддавайся! И не поддаюсь, а просто смыкаю веки и жду, когда приеду домой, или в подобие дома, которое, не факт, что мой дом. А зайдя, ложусь в постель, не включая свет, потому что полное ощущение того, что всё здесь не настоящее, не моё, в голове свинцовая тяжесть, и нужно лечь и спать. И легла. И сплю. И снится... снится сон. Будто день, а я в зале сижу с ярко-синим телефоном, в руке у меня трубка, в ней слышатся гудки, а, напротив, окно, ну моё окно, моего дома, но как-то больше и шире, и без штор. И за ним пейзаж, мой старый пейзаж: соседняя девятиэтажка, и ещё два её клона, виднеются вдалеке, а слева коньковая крыша с зелёными металлическими дверьми – обувная мастерская, два тополя, а рядом, с деревьями фонарный столб, под окном – кусты волчьей ягоды, и белый микроавтобус, справа – дочерний филиал какого-то банка и дорожный знак «Остановка и стоянка запрещены!». Девятиэтажки разделены по квадратам, ну каждый этаж, нет, каждое окно в белом квадрате, как прописная буква в тетрадке по математике, белый квадрат в чёрных прутьях, белое окно в тёмных полосках. Но нет людей. Куда-то исчезли все прохожие, а я сижу на полу с телефоном и набираю цифры, какие-то свои коды. Набираю: «девять девять восемь». И всё на мгновение вдруг становится чёрным, и я не чувствую даже себя, только одна густая темень. Но проходит это мгновение, этот перескок, и я опять в своём доме, опять на полу, с телефоном. А пейзаж – другой. Он, вроде бы тот же самый, но какие-то детали изменились. Девятиэтажка стала пятиэтажкой, и не в белых квадратах, а полностью в красном кирпиче, знака «Остановка и стоянка запрещены!» нет, а на месте банка – какое-то кафе, тополя остались, но кустов нет, а зелёные двери уже серые, запертые наглухо, и висит на них огромный замок. За окном гуляет ветер, но нет людей. Куда-то исчезли все прохожие, а я сижу на полу с телефоном и набираю цифры, какие-то свои коды. Набираю: «один семь два». И всё на мгновение вдруг становится чёрным, и я не чувствую даже себя, только одна густая темень. Но проходит это мгновение, этот перескок, и я опять в своём доме, опять на полу, с телефоном. И вижу пейзаж, красочный пейзаж. На месте девятиэтажного дома бело-зелёное нарядное здание филармонии, высотное и величественное, в каждом окне массивные шторы с кистями, и звучит органная музыка. Обувной мастерской нет вовсе, тротуар выбелен, всё в чистоте, вместо «волчьей ягоды» – сирень, светит солнце, а банк – не банк, а вход в филармонию. Коньки крыш вдалеке тоже белые, словно из мрамора, а вместо тополей – берёзы. И лето, и солнце. Но нет людей, куда-то исчезли все прохожие. И я смотрю на телефон, и, почему-то так явно и так точно знаю, что «девять девять восемь» – это Рязань, а «один семь два» – Воронеж. И я чётко осознаю это, чувствую, что это не то, не настоящее, не моё, и хочу вернуться в свой дом, и набираю цифры, пробую разные комбинации, и передо мной выскакивает всё это, разные пейзажи, разные города, времена года, ночь, утро, день и вечер, но нет моего, того самого, откуда всё начиналось! И я пробую, делаю всё возможное, но не могу вернуться, потому что правильный код, уже забыт мной, стёрт из моей памяти другими пейзажами, которые, вроде бы и чужие, но со старыми деталями, а, значит, не чужие, а всего лишь ПРЕОБРАЗОВАННЫЕ чем-то, кодами ли, домами ли! Но нет того пейзажа! Нет моего... пейзажа... Снится всю ночь, а заканчивается коварно. Просыпаешься, и думаешь: что реально? Где «моё»? Есть ли гарантия, что я не в Рязани..? И, если не в ней, то где же я? Но, вы не бойтесь, вы спите. Приходите в свою комнату, ложитесь в свою кровать и засыпайте. Ведь, только я знаю все эти коды, и тёмно-синий телефон есть у меня одной, больше ни у кого нет, я уверена. И никто за целую ночь, не сможет поменять вам пейзаж, никто не посмеет снести дом напротив, вырвать тополя и посадить на их месте берёзы. Так что, бессонница – это для

меня хорошо, а для остальных – плохо. Остальным, им нужно больше спать, выспаться, чтобы в голове отсутствовала тяжесть, а в теле присутствовала лёгкость. Остальные, они всегда понимают, где находятся. И точно знают, что ИХ, а что ЧУЖОЕ. Остальные понимают.

Молчит.

А место здесь очень хорошее! Отличные врачи, медсёстры, санитары, чудо – а не больница. Правда, как я сюда попала, уже не помню. Но место здесь просто замечательное, все внимательные, все интересуются, чем ты с утра занималась, о чём думала. И, хотя, вот я не помню, почему здесь оказалась, но ночами размышляю, когда бессонница и вспоминаю, что, наверное, сюда меня загнала излишняя жестокость. Папа у меня хороший, он мой защитник, а мама тоже хорошая, но не защитник, а нападающий. Она, как и все мы, верит в рай. И старается, чтобы и другие, чтобы все-все в него верили. Как-то раз, она пришла домой из магазина, гружёная сумками с бесполезной фигнёй и прямо с порога заявила: «Толик! Послезавтра «Прощёное воскресенье», значит, завтра мы на дачу не едем, и стирать я тоже не буду. Это великий грех – работать в праздники». Ну, мам, сказала я, ведь всё было очень хорошо слышно – я сидела на полу – мам, продолжила я, почему же нельзя постирать завтра? Ведь завтра нет праздника? «Нельзя! – Отвечала она всегда возмущённо. – Нельзя! Это предпраздничный день, после полудня уже птица гнезда не вьёт, а я ещё ей буду стирать!» Но, мам, ты же можешь закинуть бельё в стиральную машинку ещё до полудня, нажать на кнопку, а сама отойти к стене, и тогда согрешит техника, а не ты. «Нельзя! До полудня я буду спать. Великие праздники». Хорошо, может, я сама положу вещи в машинку? «Ни в коем случае! Как тебе не стыдно! До такой степени не иметь уважения. Я сейчас же зажгу свечи. Совести у тебя нет». Мама, да, мама, ты во всём права. Ты же сходишь в церковь? Завтра или послезавтра? Ты же поступишь правильно, не так, как все мы? «Завтра? Послезавтра? Нет, конечно. Я не хожу в такие места, когда там многолюдно. Это угнетает. Мне становится сразу душно, просто задыхаюсь. Слишком давят стены и потолок. Я схожу в будний день, сама, когда там никого не будет».

Молчание.

От чего же так происходит, мама? Почему тебе душно? «Не знаю, климакс, наверное». И мы сидели в праздничные дни, как лохи. Ничего не делая, ничем не занимаясь, ни о чём не думая. А она валялась на кровати и ела тыквенные семечки. И шкурки от них обитали в самых интересных местах: под кроватью, в вазе, возле батареи, в папиных ботинках. Всё-таки работать в праздничные дни, плевать на мамины доводы – это жестоко. Я была и есть жестокая. И знаю, когда такой стала. В пять лет, в далёком-далёком детстве. Это была ночь, летняя ночь, я лежала в кровати и готовилась ко сну, а папа с мамой смотрели в зале телевизор. Сначала я услышала их разговоры, потом они стали громче, стали переходить на выкрики, послышались какие-то хлопки, удары и визги. Мне стало очень интересно! Я села на кровати и стала прислушиваться: что это, что это такое? Затем, послышался топот, и в поле моего зрения попали папа с мамой! Мама была в ночнушке, папа потянул за неё и порвал ткань на рукаве, мама ругнулась: «Скотина!» Папа ответил: «Сама, сука!» И, повернулся, уходит назад, но увидел, что я смотрю, и лицо его, вмиг, изменилось, и он передумал идти к телевизору, а пошёл вместо этого ко мне. А мама заревела и схватила покрывало с дивана, скрутила его в такой длииинный жгут и тоже

пошла ко мне, чтобы папа один не скучал. Но он уже стоял, склонившись надо мной и спокойным голосом, хотя лицо его не было спокойно, спросил, не холодно ли мне, и, почему я не сплю? А я ничего не отвечала, даже не хотела смотреть на папу, потому что сзади него происходили вещи ПОИНТЕРЕСНЕЕ! Мама размахивала длинным жгутом, её лицо было искорёжено, из глаз катились слёзы, она подскочила к отцу и начала бить его этим жгутом! И с каждым ударом она кричала: «На тебе! Получи!» И с каждым ударом, влага на её лице становилась всё суше, пока не исчезла совсем. А папа улыбался, нелепо старался прикрыть маму, чтобы я не видела её, не заставала её в таком виде, я же, всё-таки маленький ребёнок, начал рассказывать мне какую-то глупую историю, глупую сказку, а мама лупила, лупила сильнее, а у него ничего не получалось, потому что ВСЁ я видела! И смотреть на маму было гораздо интереснее, потому что она визжала, и прыгала и била, била, била! А папа просто стоял, склонившись надо мной, и не двигался и был НЕИНТЕРЕСЕН. И я смотрела на него, но на самом деле, сквозь него, на маму, и улыбалась, потому что это было просто невероятно, ведь она не видела меня, ни разу не встретилась со мной взглядом, она видела только свою цель – папину спину, и выполняла свою задачу! БИТЬ, БИТЬ, БИТЬ! Мстить, мстить, мстить! И когда она закончила, то унесла покрывало на место, а сама довольная легла на кровать. А папа ещё минут пять сидел со мной, потом укрыл меня одеялом и лёг рядом с ней. Они заснули, а я всю ночь думала, о том, что видела, и меня всю трясло, потому что эйфория, захлестнувшая меня, не помышляла уходить. Она требовала чего-то, но чего? Я поняла чего, только утром! Она хотела, чтобы и я тоже делала так! И когда папа ушёл на работу, а мама, по обыкновению, завалилась спать, я пошла на улицу, нашла палку и решила, что она будет вместо ТОГО длинного покрывального жгута. Был полдень, и мало кто хотел гулять в обед, поэтому я просто шла по улице, на которой не было прохожих, одна. И вот я увидела качели! Немедленно заняла их, покачалась пару минут, а потом спрыгнула и изо всех сил ударила их палкой. Они задрезжали. Я ударила ещё – они пошли ходуном! И это было весело! Это было интересно! *(смеётся)* Я избивала качели – они издавали звуки, шатались, и, будто бы, хотели выскочить наружу. Потом мне это надоело, и я решила путешествовать с палкой дальше. Я побила тогда много деревьев, лавочек, заборов, и наткнулась на собаку. Правда, едва я замахнулась на неё, она заскулила и убежала, так что порадоваться мне в тот день больше не пришлось. Но были и другие ВЕСЁЛЫЕ ДНИ, когда я кидалась камнями, грязью и орудовала палкой уже не с неодушевлёнными предметами, а с живыми людьми – моими сверстниками. Вот это было, гораздо веселее. Это было по-настоящему интересно, хоть и часто текла кровь, и на коленках были синяки. Я полюбила драться всей душой. Я не могла разговаривать с другими детьми, я хотела просто драться. Кажется, из-за этого во дворе меня стали считать не очень интересной, избегали и прятались, едва я выходила во двор со своей любимой палкой. И вот тогда, тогда я признала, что, отныне, жестокость – это часть меня, и что я буду стараться не только любить её, но и обуздывать. Но, наверное, в какой-то момент, я всё же потеряла контроль над собой и попала сюда. Наверное, поэтому и попала сюда, потому что других причин, вроде бы, нет. Разве что, желание шагнуть в рай.

Становится спокойна, читает.

«Исповедаю Тебе Господу Богу моему и Творцу, во Святей Троице Единому, славимому и покланяемому Отцу, и Сыну, и Святому Духу, вся моя грехи, что содеяла во вся дни живота моего, и на всякий час, и в настоящее время, и в прошедшие дни и ночи, делом, словом, помышлением, объядением, пьянством, тайноядением, празднословием,

унынием, леностию, прекословием, непослушанием, оклеветанием, осуждением, небрежением, самолюбием, многостыжанием, хищением, неправдоглаголанием, скверноприбытчеством, мздоимством, ревнованием, завистию, гневом, памятозлобием, ненавистию, лихоимством и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием и прочими моими грехи, душевными вкупе и телесными, ими же Тебя Бога моего и Творца прогневах, и ближнего моего онеправдовах: о сих жалея, винна себе Тебе Богу моему представляю, и имею волю каяться... Господи Боже мой, помоги ми, со слезами смиренно молю Тя, пришедшая же согрешения мои милосердием Твоим прости ми, и разреши от всех сих, изглаголах пред Тобою, яко Благ и Человеколюбец».

Ложится на кровать.

До самого конца, дочитала. И правильно дочитала. Да, Александр Иванович? Правильно же? Я же не знаю, по каким критериям в рай отбирают. Я же не знаю, на каком языке богу молитвы приятнее слушать. Это вы знаете. Ну вот и расскажете ему там... За меня помолитесь, как за себя молились. И репой пареной лечились, вместо того, чтобы вовремя в больницу лечь!! В рай он хотел... С мозгами набекрень, ага, щас! Так тебя туда и взяли! Думаешь, раз с шариком за ролики укатили – тебя там сразу с распростёртыми объятиями встретят? А я тоже могу на колени бухаться, и свечи ставить могу, и молитвы правильные наизусть читать, на латыни, на старославянском, на русском! Скажи спасибо, что одиночку дали, и тебе дурачки иконкам преклоняться не мешали! Не ты один такой. Не тебе одному рай. А я до конца дочитала, вот так... Ну, раз до конца... раз смогла сейчас прочесть, значит, этот язык правильный! Этот верный. И он должен и тебя устроить, и бога устроить, если, конечно, он людей в рай пропускает, а не кто-то другой. Наконец, я – молодец! Молодец, а не так, кое-что. И, ведь, только здесь, я – молодец. Тут нет рамок, и идиотов, которым не нравятся мои декламации. Меня принимают той, со всем, с подтяжками и палками, с телефонной трубкой и кровавым комком. И столько разговоров, столько параллелей, столько словоблудия вокруг желанных мест, вокруг мечты о свободе и свободных мечтах, что, не сразу становится ясно, где ТО самое. А ТО самое, что ты ищешь, что искала всегда, на самом деле, валяется под ногами, просто шагни, перешагни и ты там. И бесчисленных дней, их не сосчитать, когда смотришь на себя и думаешь, что не достойна чего-то, что настолько не уверена в себе и своих поступках, что кажется, будто многое тебе недоступно. И в рай тебе не попасть, потому что, хоть до него и один шаг, но он исчисляется тысячами километров, и идти до него тебе не ногами, но мыслями, и идти всю свою жизнь... А жизнь-то... Может, она уже и пройдена? Может, и шаг тот, он уже сделан? Может, и сама ты уже в нём, в раю? И неважно, что хочется спать. Очень хочется спать. Глаза уже слипаются, болят, ноют, умоляют тебя не валять дурака, а лечь в тёплую постель. И тело твоё полностью готово ко сну. И мыслей никаких нет уже, мертвы они, всё готово, ложись и засыпай. А ты всё равно сидишь, не лежишь уже, ведь это плохая поза, достойнее – сидеть... Смотришь в стену перед собой или в потолок, но не спишь. Не ложишься в кровать. Ведь, стоит каждому сантиметру твоего тела ощутить спокойствие и защищённость, мягкость одеяла – ты окажешься побеждённым. Ты сдашься. И хуже всего становится от этой мысли, от того, что тебя победят, ты проиграешь, а значит, ты слаба, слаба, уступила! Хоть и во благо себе. Хоть и для своего же благополучия. Но, уступила же? Да, если вот так, бездумно проводить параллели, можно дойти и до абсурда. И тогда из рая тебя турнут, не успеешь даже пикнуть. И не будет добрых врачей, которые в любой момент поставят целебный укол, не будет низкокалорийной еды, а будет мама и папа, которые нападающий и защитник. Которые,

совершенно точно, не годятся для рая. Я знаю, что не годятся! А я-то гожусь. И ведь так не хочется быть ПРЕЖНЕЙ. Хочется быть нынешней, райской. Лежать на этой кровати до самого апокалипсиса. И быть уверенной в том, ГДЕ ты есть. И что тут, всё не фальшивое, а настоящее, моё. И что рай, этот МОЙ. И ни за какие деньги ДРУГИХ СЮДА НЕ ПУСТЯТ.

Закрывает глаза, складывает руки на груди. Лежит, не двигаясь, некоторое время. Затем слышится чей-то женский крик: «Аделаида Петроооовна! Дядя Фёдор из седьмой палаты опять требует выписки! Может, нам санитаров позвааать?» Героиня не обращает внимания, остаётся в той же позе. Крики продолжаются: «Аделаида! Петровна! Решетникова из двадцатой, та, что мяукает, снова не хочет принимать лекарства! Говорит, что будет слушать только своего лечащего врача, а не каких-то медсестёр! Аделаида Петровнаааа, выручайте!» Женщина открывает глаза и поджигает губы. Встаёт с кровати, достаёт из-под подушки или матраца медицинский халат, фонендоскоп, одевается. Вешает прибор себе на шею. Крики не смолкают: «Петровна! Дед-то опять простыни обоссал! Ну, ёшкин дрын! Опять двадцать пять! Я уже задолбалась ему перестирывать! А Танюха ржёт сидит! Овца!». Аделаида Петровна хмыкает, комкает простынь, возит подушку по полу и возвращает всё на место. Затем разбирает капельницу, хаотично раскидывает всё по полу. Крики становятся ближе: «Аделаида Петровна, где же вы? Вы нам очень нужаетесь!» Героиня, в последний раз, окидывает взглядом плод своих трудов, и отвечает в сторону кричащей: «Сейчас иду, Любочка. В первой палате нужно будет сменить бельё и поставить новую капельницу». Голос отвечает ей, приблизившись: «В той, что с летальным исходом»? Аделаида Петровна уходит, и подтверждает всё уже за пределами места действия: «Да, да! Интеллигенция интеллигенцией, а в состоянии припадка, возможно всё, что угодно. И не забудьте выписать родственникам штраф за порчу имущества больницы».